

Невысокое искусство

12+

ЛЕКОЛЬ

Леколь

Невысокое искусство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67906547

SelfPub; 2022

Аннотация

Запечатлеть образ возлюбленной с помощью искусства – идея стара, как мир. Тогда ты можешь быть уверен, что образ дорогого человека останется с тобой навсегда.

Но что, если образ ты рисовал не с натуры, а у себя, как говорится "из головы"? И что, если этот выдуманный образ стал чересчур живым? Что с того, что это выдумка? В конце концов, есть только две настоящие вещи: любовь и творчество. Даже когда они не возвышенные, а так, невысокие.

Леколь

Невысокое искусство

Аккуратно и очень важно он раскладывал кисточки на столе. Так хирург раскладывает инструменты перед важной операцией, разница была лишь в том, что Стас при этом ещё и радостно улыбался про себя. Каждая кисточка что-то значила для него – ещё бы, они исправно служили ему во всех творческих битвах...

Погода уже неделю была отличная: дождь шёл всего один раз, начавшись в понедельник, не переставая до субботы. Редким проблескам солнца не было дано и шанса на победу, было холодно, мокро, размыто, серо, неуютно...Люди, спеша, пробегали по улицам, глядя исключительно себе под ноги. Стасик тоже поддался всеобщей апатии: ходил, как зомби, сонный до полусмерти, перестал различать все цвета, кроме серого, ворчал по любому поводу и даже начал прихрамывать на левую ногу. Будто бы в него вселился противный семидесятилетний старикашка.

Всё пошло прахом два дня назад, то есть в четверг. Известно, что не стоит пить крепкий чай на ночь, но Стас всё же сделал это, чтобы взбодриться и быть в состоянии доделать эскизы. Лёг он ближе к утру, спал беспокойно, а проснулся уже совсем другим человеком.

Туманные образы бродили в мозгу, какие-то странные

очертания, ощущения... Они всё не хотели оформиться во что-то цельное, и было мучительно думать о них, а не думать – ещё сложнее. Это было похоже на то, что ты вот-вот сделаешь гениальное открытие, оно уже рядом, оно где-то прямо у тебя перед глазами, но никак не даётся в руки. И вот, наконец, спустя два дня, когда Стасик уже решил забыть об этом всём, пришёл тот час, ночной час, когда он вскочил с кровати с радостным вскриком. Вдохновение грянуло: теперь, Стас понимал, он не сможет спокойно спать, есть, жить, пока не нарисует это. Теперь каждый раз, стоило ему закрыть глаза, он видел одну и ту же картину, и поэтому он постоянно жмурился, чтобы не потерять её. Нужно было как можно скорее начинать действовать, благо, что в эту субботу был выходной.

Вот уже всё готово, а перед ним совершенно чистый лист бумаги, укреплённый кнопками на мольберте... Глубоко вдохнув полной грудью, Стас взял карандаш и повёл первую неловкую линию...

Вот очертания начали выплывать на бумагу. Они не давались так сразу, и Стас боялся, что у него не выйдет то, что он задумал, поэтому он нервно кусал губы и постоянно дёргался. Вот вдалеке, чуть слева, очутилась река, вот над ней склонилась гибкая плакучая ива на покато́м берегу, вот образовалась на том берегу трава, вот лилии стали зацветать на тихой воде, а в небо поднялись маленькие певчие птицы...

Посреди листа оставалось лишь одно незаполненное место, обведённое овалом. Овал был довольно большим и обозначал, что там что-то должно быть.

Овал был безжалостно стёрт, на его месте образовался силуэт человека. Стасу виделась здесь девушка. Он не разглядел ни во сне, ни в своих мыслях её саму, только то, что она была, и что она улыбалась, и кормила с рук нескольких пушистых птиц. Он набросал что-то, посмотрел на пока ещё пустое и плоское, словно маска, лицо, и решил начать с того, что знает наверняка – с улыбки.

Она улыбнулась. Тепло так улыбнулась, приветливо и немного смущённо.

Тут волнение, что что-то не получится, мигом пропало. Он схватился за краски.

Дождливая улица за окном растаяла и поплыла, тесная комнатка увеличилась до огромных размеров и осветилась ярким солнцем. Серебрилась вдали быстрая река, стекая в тихую заводь, по поверхности которой плавали нежно-жёлтые кувшинки. Иногда лёгкий тёплый ветерок гнал по небу лёгкие перистые облачка, белые, словно вата, и шевелил длинные ветви плакучей ивы. Она тихо шелестела серебристыми листьями, отбрасывая на прозрачную воду дребезжащую фиолетовую тень. Всё это создавалось одним человеком. Он чувствовал себя необыкновенно: голова, сердце и руки соединились в единое целое и работали изо всех сил. Он перенёсся туда, свою работу, он чувствовал тепло солнца,

ветер, ощущал под ногами прохладу высокой травы, слышал пересвистывание кружащихся над головой птиц и журчание воды... Всё жило, всё дышало под его кистью...

Медленно появлялась из пересечений линий девушка, превращалась из бестелесного духа в живое создание.

Если бы кто-то потрудился измерить у Стаса пульс, то стало бы видно, что он в несколько раз выше нормального. Ох, если бы кто-то увидел парня в этот момент, наверняка решили бы, что ему плохо! Вид у него был впечатляющий: он то садился, то вставал, чтобы посмотреть на работу издалека, то щурил глаза, то широко раскрывал их, и тогда на очках отражался сероватый полубезумный свет. Иногда он подскакивал с места, словно ошпаренный, громко вскрикивая, иногда хмурился, а иногда даже пел и пританцовывал; а щёки густо налились румянцем.

Но, благо, никто не мог увидеть Стасика с столь ответственный момент и попытаться успокоить его, поэтому он продолжал в том же духе.

Девушка вырисовывалась посредине листа. Прохладная фиолетовая тень от ивы падала на её лицо, благодаря чему особенно выделялся яркий влажный отблеск в орехово-зелёных глазах. Необычного оттенка рыже-каштановые волосы сильно вились, едва касаясь плеч девушки и, лёгкие и шёлковые, играли с ветром, а солнце бросало на них свой золотой отблеск. Платье у неё было светло-персикового цвета, и тем темнее казалась чуть загорелая кожа на открытых пле-

чах, усыпанных веснушками. Платье с мелкими складками чем-то напоминает ночную рубашку, в которой обычно спят. Как у Венди из «Питера Пена» – она тоже путешествовала в Небыляндию, будучи при этом в ночной рубашке. Мысль о том, что под ночную рубашку обычно ничего не надевают, заставила Стасика остановиться и очень глупо улыбнуться, глядя на свою девушку с картины. Он несколько секунд смотрел на неё, потом хлопнул себя ладонью по лбу и продолжил работать.

Вокруг девушки вились птицы неизвестной породы – Стасик их сам только что выдумал. Они были похожи на маленькие летающие шарики пуха, будучи при этом лазурно-синими, с лимонно-жёлтой грудкой. Они красиво перекликались друг с другом, летали в воздухе, мелко размахивая тоненькими крылышками, и садились Стасику и девушке на плечи и на руки. Девушка ещё не могла ничего с этим поделать – её руки и ноги были не доработаны, но Стасик уже усердно исправлял это. Мягкие ладони девушки уже скоро держали гость золотистых зёрнышек – ими она кормила птиц, – а босые стопы утонули в изумрудной траве. Стасик остановился на секунду. Подумал немножко – и поставил на левой ладони девушки небольшую чёрную точку, которая обозначала родинку. Он не знал, зачем – просто ему захотелось.

Дело оставалось за деталями. Он ещё раз окинул взглядом картину: птички вились, трава шуршала, вода журчала – всё прекрасно, но девушка...

Стас понял, что никого лучше он в своей жизни не видел. Нет, она была далеко не Мисс Мира, и даже не похожа на неё. Но это было доброе и приятное создание.

Доброе?

Стасик вдруг представил, какая она, должно быть, заботливая и умная... Ему захотелось поговорить с ней. Он работал и разговаривал с картиной, как если бы это был живой человек. Впрочем, для Стаса картина была на тот момент живее всего реального мира... Он говорил и представлял, как она ему отвечает, представил голос. Представил, как меняется её лицо, как смотрят на него умные орехово-зелёные глаза. Как её зовут? У неё должно быть красивое имя... Что-то звучное, но в то же время приятное.... Там, скорее всего, есть буква «А». Да. Определённо, «А» в начале.... Но что это за имя, Стас никак не мог сообразить точно.

Картина была закончена, когда уже было далеко полночь. Стасик сел на кровать напротив работы, не в силах отвести от неё взгляда. Он очень устал, так устал, что не мог больше пошевелиться. Он проработал почти сутки. Глаза болели так, будто в них бросили целую горсть песка, голова кружилась, шея ныла. Руки по локоть, грудь, джинсы, лицо – всё было вымазано краской, краска же была и на полу вокруг мольберта, и на мольберте, и на стуле.

Но нельзя было не заметить, как сильно Стасик светился в тот момент. Он был доволен. Он был счастлив. У него по-

лучилось! Он сделал!

Тут Стасик громко зевнул и вспомнил, что надо бы иногда спать. Да, определённо, люди часто так поступают – они спят...

Рассеянным движением он расстелил кровать. Едва хватило сил, чтобы выключить свет. Стас даже не стал снимать с себя одежду – так и рухнул в джинсах и майке, только очки снял. Засыпая, он всё ещё смотрел на белеющую в темноте картину.

Он спал тем сном, который называют ещё «сладкий сон». Этим сном можно спать хоть несколько дней, а всё равно проснёшься – и снова захочется спать. Он примечателен тем, что он крепкий, и ты не видишь ничего, пока спишь таким сном. И если бы под окном у Стасика пробежало стадо разъярённых бегемотов, если бы там выстрелили из пушки или если бы там вдруг начался концерт десяти рок-групп сразу – он бы всё равно не проснулся. Так спят счастливые люди.

Когда Стас приоткрыл всё же глаза, в комнате было уже светло от дневного света, проникавшего сквозь шторы. Значит, было уже около полудня. Очень лень вставать, но не лежать же так весь выходной, в самом же деле. Стасик пошарил рукой по тумбочке, разыскивая очки, надел их, сел, открыл глаза окончательно, и...

Вот уж чего он действительно не ожидал, так это вот этого.

Посреди комнаты стояла, улыбаясь ему, незнакомая девушка.

Он так и подскочил.

– Т-ты кто?

– Ты знаешь, – ответила девушка, опустив взгляд в пол.

– Вечером тебя тут не было, – возразил Стасик.

– Была, – заявила она в ответ.

– Я весь день вчера проторчал дома один! – в голосе парня же зазвучал самый настоящий страх, – абсолютно один. Да я даже не звонил никому Ты что, забралась в окно?

– Окно закрыто, – девушка заулыбалась – она явно знала что-то такое, чего Стасик пока не понимал.

– Но как?..

– Посмотри внимательно, – посоветовала девушка, – и ты сразу поймёшь.

Стасик хотел было спорить, но понял, что ничего из этого не выйдет. Он растеряно оглянулся: комната совершенно такая же, какой была вчера вечером, окно и дверь закрыты, все предметы на своих местах... Картина! Нет, неужели...

Стасик сощурил глаза: речка блестела, кувшинки плыли, трава росла, ива колыхалась, птички вились – всё как положено. Вот только...

– Тыыы?! Ты откуда, верно? – воскликнул он, махая рукой на картину.

– Догадался всё же, – с насмешкой, но совсем без злости сказала девушка и рассмеялась.

– Но как?!

– Всё просто, но я объясню позже, – уклончиво ответила она. – А сейчас тебе нужны силы – ты вчера весь день ничего не ел. Подымайся.

Стасик здорово опешил. От нереальности происходящего он даже не мог пошевелиться. Потом всё же спохватился, выбрался из-под пледа, неловко поднялся и остановился перед девушкой. Она была именная такая, какой Стас нарисовал её вчера, чуть пониже его и, что самое главное: живая – совсем настоящий человек. Человек? Нет, не может быть! «Поздравляю, Станислав, – вы совершенно чокнулись!», – сообщил себе Стасик, глядя на свершившееся чудо. Он не верил. Он не мог верить. Так не бывает! Может, это он просто переработал вчера, вот ему и чудится всякое...

Стас нерешительно поднял руку и протянул ладонь к девушке. Когда он коснулся её плеча, его пальцы уткнулись в самую настоящую тёплую человеческую кожу. Девушка совершенно не сопротивлялась, а молча стояла, оставляя Стасику время справиться с замешательством. А он, в свою очередь, вдруг осознал, что нарисовал слишком большой вырез на платье. Знал бы, что такое произойдёт – нарисовал бы всё закрытое. И куртку поплотнее, на улице, как-никак, только начало весны – холодно!

– Ну что, всё хорошо? Я существую? – спросила девушка, потому что Стасик слишком уж долго стоял в ступоре.

– Эм... да. Определённо, – пробормотал он и покраснел.

На самом деле, Стасик был вовсе не глупым, а очень даже наоборот. Но иногда он действительно страшно тормозил, но делал это не специально. Это было чем-то вроде защитного механизма от всяческих неприятностей – опрометчивых слов или действий. Так и произошло сейчас – он совершенно не мог понять, что происходит.

Тем временем девушка взяла его за руку и повела в узенькую кухню. Оттуда сразу же дохнуло приятным сладким ароматом, от которого мигом потекли слюнки. Не узнать его было невозможно. Стасик глянул на стол – блинчики! С черничным вареньем! Целая стопка, напоминающая миниатюрную Пизанскую башню.

– Это тебе, – девушка отошла от стола, чтобы Стасик сумел сесть.

– Это... правда? То есть... откуда ты узнала?! – он посмотрел на неё с явным восхищением. – Черничное!

– Вчера ты говорил со мной дольше трёх часов подряд, а я только слуу-ушала, слу-ушала, – девушка рассмеялась. – Ты такого успел наговорить!

– Что, и про варенье? – Стасик недоверчиво сощурил глаза.

– Про всё. Вообще, – как-то неоднозначно ответила девушка, кивнув головой.

Стас почувствовал себя каким-то беспомощным. Он действительно не помнил, что говорил вчера. Онне следил за своим словесным потоком – он-то думал, что его никто не

слышит! А тут такой облом...

– Ты поешь, – посоветовала девушка, заметив его беспокойство, – сразу легче станет.

«Что ж, – решил Стас, – дельный совет, проверенный».

– А ты не будешь есть? – спросил он.

– Я уже. Ты так долго спал, что за это время можно было успеть дойти до Польской границы и обратно.

– Разбудила бы... – Стасику стало неловко.

– Не-а, – девушка мотнула головой. – Тебе нужно было отдохнуть. К тому же, ты такой забавный, когда спишь!

Она начала хихикать, и если раньше было неловко, то теперь уже стало просто страшно. Со Стаса чуть очки не свалились. Он благодарил все силы небесные и не очень, что ему было лень снять с себя одежду, когда он ложился спать. Просто счастье, что он этого не сделал!

– А, да, завтрак... – опомнился Стасик, словив на себе пристальный взгляд девушки.

Стоило ему приняться за еду, как вчерашняя голодовка напомнила о себе. Тарелка в один миг оказалась совершенно пустой.

– Спасибо, – по-настоящему искренне сказал Стасик девушке, которая всё это время стояла у него спиной. Она потянула руки к тарелке, но он опередил её:

– Нет, ты что, ещё и посуду собираешься мыть?

– Ну... да, – девушка пожала плечами. – А что такого?

– Ну, уж нет, – Стасик даже несколько грубо выхватил

тарелку и отправился к раковине.

– Ты думаешь, что я не справлюсь с этим? – недоумевала девушка.

– Нет, просто не нужно опекать меня, словно ребёнка, ладно?

Стасик услышал у себя в голосе злую ноту. Он и сам не понял, почему рассердился. Может, просто с непривычки? В любом случае, ему вдруг стало невыносимо жарко. Стас обернулся, пытаясь незаметно посмотреть на девушку. Она стояла посреди кухни, в которую едва помещалось два человека, в светлом платье, босоногая, с глазами волшебного цвета, в которых сейчас явственно читалась лёгкая обида. Стасик выдохнул, обернулся и сказал:

– Извини... Мне нужно в душ.

Когда он стремительно скрылся за дверью ванной и заперся, то почувствовал себя в относительной безопасности. Шум воды заглушил посторонние звуки, позволяя не обращать внимания на то, что происходит снаружи. Стасик залез под холодный душ, а его голова начала обдумывать происходящее.

Итак, девушка, которую он нарисовал, вдруг образовалась в его комнате, пока он спал. Как – загадка. Это не призрак и не глюк, ведь он, Стасик, сумел дотронуться до неё, и его рука не прошла сквозь видение, как сквозь туман. Это настоящее существо из плоти и крови...

«А под платьем – ничего», – мелькнуло в голове. Стас

зажмурился и повернул кран, чтобы на него хлынула вода ещё холоднее – так он надеялся прогнать эту навязчивую мысль. Он чуть было не вскрикнул от внезапного холода, но мысль пропала лишь наполовину. У девушки идеальная фигура. Стас знал, он же рисовал её идеальной, и... Он снова потянулся к крану, резко повернул – и сверху Стасика обдало самым настоящим кипятком, так что он даже испугался, как бы у него со спины не слезла кожа...

– Только не думай про это чёртово платье снова, – уже вслух прервал себя Стас. – Не. Смей. Думать.

На этом он и решил остановиться. И всё было бы хорошо, если бы не обнаружилось вдруг новое неприятное обстоятельство.

– Чёрт.... Где полотенце?

– Ты так спешил, что забыл о нём, – донёсся из-за двери голос девушки. – Но я принесла...

«Убейте меня, я идиот», – мысленно взмолился Стасик.

– Так ты откроешь дверь? – спросила девушка после некоторой паузы.

Он максимально аккуратно приоткрыл дверь, чтобы только протянуть руку. Когда всё получилось, и полотенце было у него, Стасик счастливо вздохнул. Надо бы зубы почистить, а то неудобно же как-то...

– Всё же мне кажется, ты должна объяснить мне, как ты переместилась оттуда, – Стас указал на картину, – сюда, – он

ткнул пальцем себе под ноги.

– Это очень просто, – сказала девушка. Она сидела на кровати, подобрав под себя ноги. – Ты тоже сядь.

Стасик повиновался и, пододвинув к кровати стул, уселся на него.

– Ну, ты знаешь, что такое творчество, – начала девушка. – Ты создаёшь что-то новое своими руками из того, что пришло в твою голову. Ты как бы переводишь свои мысли на бумагу, из невидимых делаешь их видимыми, так?

Стасик кивнул.

– И когда ты делаешь это, то твои мысли отделяются от тебя и начинают жить отдельно – там, на бумаге. Так ты выдумал меня. Я существовала в твоей голове, но потом ты выпустил меня на картину. Но этого было мало, ты не захотел, чтобы я жила там, ты захотел выпустить меня в свой, настоящий мир. Ты отнёсся ко мне, как к реальному человеку: узнал мой характер, мой голос, мои мысли. Ты говорил со мной, ты очень хотел, чтобы я стала реальной – и так много своих сил вложил в это, что это действительно произошло. Я – это не что иное, как часть тебя.

– И ты хочешь сказать, что так бывает на самом деле? – ощущение нереальности происходящего вновь вернулось к Стасу.

– Кому ещё в это верить, как ни тебе, – девушка улыбнулась. Стасик понял, что она права.

– Но всё-таки...

– Или ты не рад, что так случилось? Ты не рад меня видеть здесь? – в голосе девушки послышалась обида. Она нахмурила брови и скрестила руки на груди.

«Да уж, даже с ангельским терпением, выдержать тебя просто невозможно, приятель», – сказал себе Стас.

– Нет, почему же, я рад, просто... – он попытался оправдаться, – это всё так... странно и... Я в шоке, если честно.

Видимо, у Стасика был уж очень несчастный вид – девушка не выдержала и рассмеялась. Ну, хорошо, что хоть больше не сердится...

– Ну а что же ты будешь делать теперь? – спросил Стас. – Ты же совсем ничего не знаешь об этом мире и...

– Я знаю тебя, – сказала она. – Это уже что-то. На самом деле, ты тоже совсем ничегошеньки не знаешь об этом мире. Но ты знаешь меня. И это тоже уже что-то.

Девушка под села ближе и положила руку Стасу на плечо.

– А что я собираюсь делать.... Ну, предположительно – я собираюсь делать тебя абсолютно счастливым...

Он подскочил как ошпаренный. Где-то рядом надрылся телефон, но он никак не мог найти в темноте...

Ах, вот же он.

– Алё, Стася?

О, это же тот самый... как его...

– Это я, Лёха!

А, да, правильно, он самый. Спросонья так тяжело сооб-

ражать...

– Ты чего там делаешь? – доносился из трубки бодрый голос.

– Сплю... – отозвался Стас, сожалея, что снял вообще трубку.

– Опять малевал всю ночь? – Лёха засмеялся.

– С твоим чутьём и к бабке не ходи, – пробормотал Стасик и зевнул.

– А я вчера знаешь чего!.. поехали же с ребятами кататься. Хотели тебя позвать, но ты ж трубу не подымал... Так вот. Только за город – а тут такая гроза! Меня ж знаешь, чуть молнией не ударило! Прикинь?! Прямо вот в метре от меня бабахнула!

– Вчера была гроза? – очень к месту спросил Стасик.

– Да какая гроза! Целый ураган! Ты чего, не видел, что ли?!

– Извини, я не выходил на улицу.

– И в окно даже не смотрел?

– Говорю же тебе: работал я...

– Господи, Стася, да ты со своим рисованием... – Лёха остановился, подбирая убедительное сравнение. – Да если ж ты будешь рисовать, а в это время война начнётся, то ты и не заметишь даже!

– Ты даже не представляешь, как ты прав, – искренне согласился Стасик.

– Ну, ты это... ты. По!

Стасик решил ничего не говорить по поводу того, что Эдгар. По – писатель, а не художник. Или Лёха имел в виду, что Стасик, как и многоуважаемый. По, немного псих?..

– Что рисовал-то хоть? Шедевр, я надеюсь?

– Ещё бы, – буркнул Стас.

– Покажешь?

– А шнурки тебе не погладить?

– Ой, посмотрите на него – неоценённый гений!

– Иди в пень.

– Ладно, спи, – смилостивился голос в трубке. – Завтра увидимся.

– Жду не дождусь, – Стас сбросил телефон на подушку, а сам бросился вслед за ним.

В комнате было сонно, темно и душно. Девять утра! Для выходного это – глубокая ночь, и почему только кому-то вздумалось звонить в такую рань? Стасик перевернулся на бок и уставился в пространство, чувствуя что-то горькое и обидное. Он вспомнил: так же он почувствовал себя когда, пятилетним, решил распробовать мыло, потому что от него исходил очень привлекательный аромат. Как же было ужасно осознать, что то, что пахнет апельсином, на вкус – вовсе не апельсин!

Стас сел, поправил очки. Он понял, что совсем не хочет спать, он вообще ничего не хочет. В полумраке пестрела картина,... Он поднялся, подошёл к ней и перевернул лицом вниз – было как-то не по себе смотреть на неё...

– Вот приснится же такое! – Стасик чертыхнулся, зевнул и лениво открыл окно. От неожиданно хлынувшего яркого солнечного света ему пришлось зажмуриться и долго моргать.

Солнце! Как же долго его никто не видел.... Надо же, оно даже греет. Неужели и вправду весна?

Шаркая босыми ногами, Стасик направился на кухню искать пропитание. Хотя что, собственно, он собирался найти в пустом холодильнике? Кое-как нашёлся кусок сыра и хлеб – значит, можно соорудить какой-никакой бутерброд. Плюс –пакетик чая, а воды в кране всегда достаточно...

«Вот возьму и схожу в магазин», – решил Стасик. Ох, лишь бы с деньгами не оказалось того же, что и с едой...

На улице было не так уж и плохо. Прошла гроза, и теперь небо было мягко-синим. Утреннее солнце отражалось от мокрого асфальта, луж и витрин, так что было в несколько раз светлее и как-то даже уютнее. Свежий ветер веял влагой и чем-то далёким и невидимым – возможно, что это было море. Птицы, почему-то, очень оживились: летали туда-сюда, галдели, купались в лужах и дрались друг с другом.... Неужели весна?

Сонная кассирша со следами ночного веселья на лице очень долго считала деньги, благо, что Стас никуда не торопился. Напихав доверху рюкзак съестным, он вышел из магазина, но возвращаться домой не хотелось. Он решил, что пойдёт шататься. Шататься без цели и ориентира по улицам

– отличное занятие, которое многие презирают. Несчастные, вечно куда-то спешащие люди. Они не будут смотреть, как мелькают в свете капли дождевой воды на ветках, не будут следить полёт испуганных голубей, не станут гладить уличного котёнка и предлагать ему кефир... Нет, не станут!

Когда начали открываться магазины, Стасик начал заходить в них – делать-то всё равно было нечего. Ходил, рассматривал витрины, шёл в следующий магазин и страшно бесил раздражённых с утра продавцов. Так он обошёл дозором магазинчика три, и везде была одна и та же картина. В стройматериалы парень решил не заглядывать, решил пойти в книжный. Книжный на углу улицы... Выглядит таким старым, и на нём даже нет вывески. Магазин полукругом огибал угол дома и со стороны был похож на гигантскую формочку для кекса. Кексы... шоколадные!

В животе у Стасика жадно заурчало. Он передёрнул плечами и попытался больше не думать о еде. Глянув на своё размытое отражение в пыльном стекле окна, Стасик двинулся к двери.

Внутри магазина было тепло, если не сказать – жарко. Стасик поспешно расстегнул куртку, оглядываясь по сторонам. Полки с книгами подпирали низенький потолок, оставляя очень мало места для возможных покупателей. Но сейчас это не представляло особой проблемы по одной простой причине – покупателей не было. Видимо, их тут не было хронически, ибо пыль лежала солидным слоем, а тишина стоя-

ла гробовая. За кассой мирно спала полненькая старушка со странной причёской, сооружённой из серебристо-седых волос. Стасик, пытаясь не шуметь во имя уважения к крепкому и здоровому сну, прошёл вглубь магазина. Он скитался минут пятнадцать среди бестолково стоящих шкафов и постоянно натыкался на один, завернув за угол другого. Да, с такой организацией пространства можно заблудиться и в трёх полках!

Стасик невольно улыбнулся неудачному каламбуру и двинулся вдоль полки с тусклой подписью «классическая русская проза». Как вдруг произошло неожиданное – впереди что-то зашевелилось. Стасик ещё раз завернул за угол и увидел человека, неподвижно стоявшего в уголке с книгой в руках. Создание это было довольно небольшого роста, а спину его закрывал большой чехол с гитарой, поэтому определить пол и возраст было трудно. Стасик, сам не зная зачем, остановился, глядя на этого человека. Просто было как-то приятно встретить кого-то живого в царстве тишины, и парень смотрел на это создание, не отрываясь, – чем-то оно привлекало. Стоит, читает, да ещё так тихо.... А рост-то – ну совсем детский! Из-за исполинского чёрного чехла, разукрашенного разноцветными значками и нашивками, виднелись стройные ноги в синих узких джинсах и маленьких рыжих ботинках. «Девочка», – решил Стасик, – маленькая девочка. А читает!» О содержании чтива можно было узнать по вывеске над полками: «Классическая зарубежная проза».

Прошло минут пять, и вдруг раздался странный звенящий звук. Стасик вздрогнул, обернулся – звонили какие-то раритетные часы, висевшие над кассой. Существо с гитарой тоже вздрогнуло. Его рука потянулась к карману, достало телефон... Время смотрит.

– Чёрт... – тихий встревоженный шёпот всколыхнул тишину. Существо засуетилось, закрыло книгу, извлекло из кармана кошелёк и подалось в сторону кассы...

Когда оно обернулось, Стас опешил.

Обомлел, запылился, чуть не упал и даже успел немножечко испугаться.

Девочка обернулась и оказалась не такой уж и маленькой. У неё были каштановые, сильно вьющиеся волосы с рыжим отливом, а ещё блестящие орехово-зелёные глаза...

«Нет, ты всё же переработался вчера, – сказал себе Стасик. – Мерещится тебе... от голода». Но он всё же пошёл вслед за ней, схватив с полки для приличия какую-то тонкую книжонку. Он попытался встать так, чтобы девушка его не заметила, но она и без того не смотрела по сторонам – куда-то спешила.

– Анна Сергеевна... Анна Сергеевна! – девушка протянула руку и тронула спящую старушку за плечо. Та зевнула и неохотно, словно сова днём, открыла глаза и взяла из рук девушки книгу.

– Ты ещё не надумала работать, а? – добродушно проскрипела старушка, подсчитывая сдачу.

– Времени мало, – ответила девушка. Голос! Стасу показалось, он узнал его...

– .. учёбы много... – оправдывалась она. – Может, на каникулах попробую...

Стасик не понял того, что она сказала. Он слушал лишь голос, слова сами по себе потеряли смысл.

– Ну, хорошо, – ответила продавщица, неуклюже садясь на место. – Заходи ещё как-нибудь.

– Ага, – девушка помахала рукой, быстро спрятала книгу в карман на гитарном чехле и торопливо скрылась за дверью.

Она торопилась. Значит и Стасу стоило бы!

Он протянул книгу, дал денег без сдачи, схватил покупку, почти что выбежал на улицу.... Испуганно огляделся. Где?

Увидел. Чехол с гитарой колыхался уже в другом конце улицы. Стасик быстро зашагал следом, ловко огибая прохожих. Солнце подымалось всё выше, и становилосьлюдно.

Да быстрее же ты...

Вот он уже оказался метрах в двух от девушки и пошёл медленнее, стараясь держать дистанцию. Ему не хотелось, чтобы она заметила его, очень не хотелось. Он всё ещё не был уверен...

«А зачем ты, собственно, увязался?» – задал вопрос Стасик. Действительно. Ну, догонишь ты её. И что? Что ты скажешь? Что ты будешь делать? Ты вообще уверен, что тебе стоит хоть что-то делать? Ты же не знаешь, кто она такая... Может, у неё муж есть?!

Эти мысли были справедливы и смутили Стасика. Что ж? Перестать? Пойти сейчас же своей дорогой мимо, будто так и надо? Ну, нет. Этого никак нельзя – Стасик понимал. Он понимал, что если сейчас пойдёт домой, то будет потом страдать ещё полжизни, а может, и больше. Будет лежать глубокой ночью с грустными глазами, уставившись в потолок, и думать – а вдруг, это была та самая девушка? Чудо, конечно, но разве не бывает в мире чудес! Вдруг, это действительно была удача, которую ты так и не сумел использовать? Нет, нельзя уйти!

И Стас шёл дальше, надеясь только на удачу, что подвернётся какой-нибудь подходящий случай заговорить. Может, подойти и спросить, сколько времени? Нет, что за бред – сейчас у всех цивилизованных людей есть часы, не на руке, так в телефоне...

Почему нельзя, скажем, как в детском саду, подойти и: – Девочка, а как тебя зовут? А сколько тебе годиков? Давай дружить?

И так далее. Было бы идеально.

Между тем они подошли к автобусной остановке. Девушка остановилась на самом краешке тротуара. Стасик пристроился за киоском с газетами. Теперь можно было разглядеть её сбоку и убедиться: девушка почти точно такая же, как и на картине Стаса. Только одета она была вовсе не в платье, а в джинсы, ботинки с заклёпками, тёмно-зелёное плотное пальто, на голове – чёрная шапочка, на руках – вязанные пер-

чатки без пальцев, а вокруг шеи повязан большой коричневый шарф. И кожа у девушки была не столь загорелой, и веснушки не так густо покрывали её щеки. Ну, это и понятно – недостаток солнца...

Вдобавок ко всему у неё была слегка вздёрнутый маленький нос. Но глаза – Стасик не мог не признать эти глаза! Сам же вчера бился над этим цветом, именно этим... Глубоко-коричневый, как древесина дуба, а с ним – мягко-зелёный, как листья...

И чем дольше Стасик смотрел на неё, тем сильнее он узнавал её. Реальность происходящего снова стала ускользать от него. Он начинал верить в то, что это он её нарисовал. Он ещё не признавал рассудком, но уже знал своим сердцем, что знает её, знает уже давно, что разговаривал с ней раньше, и что она ему – самый лучший и единственный в мире друг, которому он без страха предательства выдал все свои тайны... Сердце узнало. И потому оно билось как сумасшедшее, как птица, пытающаяся вырваться из клетки. Оно стремилось к своему другу. И что-то тёплое и настоящее начало расти – Стасик чувствовал – у него в груди. Будто новое солнце долго спало внутри, а теперь очнулось и хотело осветить весь мир, и от этого становилось жарко и хотелось глубоко-глубоко дышать...

Ну, надо же.

Стасик выдохнул, стараясь успокоиться, потому что это уже ни в какие рамки не лезло. Так и с ума сойти можно...

К остановке медленно ковылял переполненный автобус. Когда он остановился, из дверей россыпью семечек хлынули люди. Девушка двинулась туда...

Стас последовал за ней. Теперь он точно знал, что не отстанет, даже если придётся ехать до конечной или ещё чёрт знает куда.

Оба они вошли в последнюю дверь. Народу была тьма, толкотня стояла страшная, и Стасик нервничал, как бы не потерять девушку из виду. Он уцепился как-то рукой за поручень, впился взглядом в её рыжую макушку, и какие бы неприятности ни случались среди пассажиров, не отворачивался. Даже то, что у него совершенно не было денег на проезд, не сильно волновало его. Контролёр затерялся где-то в самом начале автобуса, а он, Стасик, ехал в конце...

Автобус трясся и плёлся по дороге, при этом скрипел так жалобно, словно у него была глубокая депрессия. В целом он напоминал уставшую от жизни старую улитку, которой уж только в гроб. Хотя у улиток нет гробов... Или есть? И как же они выглядят?

Стасик даже как-то обрадовался, что его мысли отвлеклись на что-то, пусть даже бредовое. Снова открылись двери, люди, толкаясь, вышли и, толкаясь, зашли. Скучным голосом была объявлена следующая остановка. Девушка двинулась к выходу – Стасик не выпускал её из виду. Она оказалась рядом дамой, пышущей парфюмом на пол-автобуса. Дама держала на руках маленькую мохнатую собачку. Мор-

дашка у собачки была миловидная, но глаза уж очень напуганные. Несчастное животное было в ужасе от такой толпы людей и очень нервно дёргалось и ёрзало. К пущему ужасу собачки всякий, кто имел счастье её увидеть, считал себя просто обязанным посюсюкать с ней и потрогать руками. В общем, муки этого мохнатого создания, были просто невообразимы. Внезапно автобус затормозил и сделал это слишком резко, что вызвало, резкий и оглушительный скрип. Собачка на руках у дамы пришла теперь в настоящий ужас и с визгом подскочила.

Дальше события развивались стремительно.

Животное шлёпнулось вниз, сделало лужу, тявкнуло и с глазами, полными дичайшего страха, кинулось прочь, лавируя между ног пассажиров.

– Моника! Моооникааааа-аа! – чрезвычайно громко заголосила дама.

Многие пассажиры обратили внимание на бегство Моника и уже стали смотреть под ноги в поисках собаки, как тут открылись двери автобуса.

Толпа повалила из дверей. Девушка также двинулась к выходу, и вдруг телефон в её кармане зазвонил. Она потянулась за аппаратом, уже взяла его в руку, но дама развернулась всем корпусом, тщетно пытаясь найти свою собаку. При этом она зацепила чехол с гитарой на спине у девушки, тот подался вниз, потянув за собой владелицу. Ещё секунда – бац! Девушка неловко шлёпнулась на тротуар возле автобу-

са. Стасик в этот момент попытался выбежать из дверей, но – двери издевательски захлопнулись. Автобус двинулся дальше.

Стас решил, что сейчас умрёт. Ну как же так? Ну как так-то?! Автобус удалялся от остановки неумолимо...

Он больше никогда её не увидит.

Эта мысль была почти смертным приговором, и Стас почувствовал, словно что-то невидимое душит его. Он беспомощно огляделся по сторонам. Посмотрел под ноги – собаки нет. Видимо, Моника, навсегда покинула свою хозяйку. Но это мало интересовало Стасика. Он был как-то очень подавлен. Его взгляд блуждал без цели по автобусу, в котором только что была она, а теперь – ничего...

Вот с той лестницы она упала. У неё в руке ещё был телефон... Телефон!

Стасик протолкался поближе к выходу и стал интенсивно изучать поверхность под ногами. Телефон отыскался на нижней ступеньке у выхода – никто и не заметил его в суматохе. Хорошо, что ещё не растоптали! Стасик быстро нагнулся и поднял вещицу. Спрятав её в карман, он прислонился к двери и даже заулыбался.

Вышел он на следующей же остановке и отправился домой пешком. Пришёл, распихал купленные продукты по полкам в холодильнике.... Нашёл купленную им книжонку. Он уже успел забыть о ней. «Есенин. Стихи о любви». Что ж, весьма символично...

Наконец, Стасик сел на кровать. Ноги ныли – он прошлялялся по городу четыре часа. Четыре часа! Зато вернулся не с пустыми руками...

Стас достал найденный телефон и повертел его в руках. Аппарат немного запачкался, пока валялся на полу в автобусе, но протереть его – и он снова как новенький. Маленький и чёрный. Довольно хороший – видно, дорогая вещица.

На заставке – лого известной рок-группы. Что это? Пароль! Ох уж эта скрытность...

Стасик не был силён во взламывании паролей, и только чистой удачей угадал с третьего раза. Из вежливости не стал смотреть фото, зато в списке контактов легко отыскался домашний номер телефона с лаконичной подписью «Дом». Что ж, весьма осмотрительно. Стасик уже собирался было позвонить, но отложил телефон в сторону.

Пускай она поймёт, что потеряла аппарат. Пускай осознает это. Пусть побегает, поищет... Понервничает. Но тем больше будет благодарность герою, нашедшему драгоценность.

– Злая ты, однако, тварь, Стасик, – сообщил себе Стас, косясь на телефон, – очень злая и коварная.

Он улыбнулся, посидел ещё немного и отправился в рейд на холодильник.

С неким замиранием сердца Стасик решил, наконец, попробовать позвонить. Было уже без пятнадцати четыре ве-

чера. Слушая гудки, Стас начал нервничать. Он поднялся и стал ходить кругами по комнате, периодически спотыкаясь обо что-нибудь.

– Алло, – прозвучало в трубке.

Стас узнал голос, её голос, и поскорее сел на кровать, думая тем самым успокоиться. Но это не помогло, и он снова поднялся и зашагал по кругу.

– Эм... Я тут подобрал в автобусе ваш телефон...

В трубке громко ахнуло – восхищённо и с облегчением:

– Фух, слава богу...

– Так вам... как вернуть?

– А, конечно.... Куда приходить?

Стасику полегчало – всё легче, чем он думал.

– Записывайте адрес, – сказал он.

– Ага, сейчас возьму ручку, – в трубке раздалось шуршание, – всё, пишу.

Стас продиктовал и добавил:

– Там пятый этаж... лучше по лестнице идти – лифт всё время барахлит.

– Ага. Приду около шести часов. Идёт?

– Конечно, – Стасик поднял руку и вытер рукавом выступивший на лбу пот.

– В таком случае, до встречи!

– До встречи, – произнёс Стасик уже вслед гудкам. Он положил телефон на стол, а сам с размаху кинулся на кровать и крепко обнял подушку. Он был готов обнимать всё,

что встретилось бы на пути – подушку, шкаф, холодильник, рюкзак...

– Есть, – заявил Стас, приветливо глядя в потолок. Потолок молча посмотрел на него белой поверхностью, но потом всё же осветился для приличия добродушным лучом предзакатного солнца.

Ровно в шесть раздался звонок в дверь. Удивительная пунктуальность. Стасик, словно торпеда, подлетел к двери. Там он остановился, пытаясь изо всех сил принять непринуждённый вид. Секунду постоял, подышал глубоко, потрогал уши – горят! Быстро взлохматил рукой волосы, чтобы как-то скрыть это, одёрнул майку и, наконец, открыл.

– Здравствуйте!

Девушка стояла на пороге, одетая так же, как и днём, разве что не было при ней гитары. Вид у неё был уставший.

– Привет, – несмело проговорила она, окинув Стасика испуганно-оценивающим взглядом.

– Ну, проходите что ли, – пригласил Стас, пропуская её в квартиру. Он пытался быть максимально вежливым.

Девушка осторожно, будто пол в прихожей мог в любой момент взорваться, вошла маленькими шажками. Стасик подумал, что своими движениями она похожа на лисицу.

– Как вас зовут?

– Алиса, – ответила девушка, передёрнув плечами.

Алиса! Имя на «А»! Он ведь знал, он знал...

– Стас, – парень протянул ей руку. Она аккуратно пожала

ему ладонь своей. Мягкая ладонь в мягкой вязаной перчатке. Приятно.

– Вы куда не торопитесь?

Девушка подняла голову и пристально посмотрела на Стасика, видимо, рассуждая, торопиться ей или нет. Стасик стоял молча и неловко улыбался, не нарушая мыслительный процесс.

– Нет, я не тороплюсь, – вынесла вердикт Алиса.

– О, ну... тогда... эм, – она всё ещё не сводила с него пристального взгляда, и Стасу вдруг стало жарко, и потому слова запутались. – Может, это... Чаю? Или, может, кофе? Вы любите кофе?

– Нет, мы любим чай, – девушка сняла ботинки и поставила их в углу. – И не надо меня больше на «вы» называть!

Это явно был приказ, но сказан он был таким добродушным тоном, что Стасик тут же согласился:

– Ну ладно. Так чай?

– Да, можно чёрный, пожалуйста?

– Можно! – ответил Стасик и радостный унёсся на кухню. Получается! Она тут, она настоящая, и она только что согласилась пить с ним чай!

Он поставил чайник, отыскал чашки, открыл новую упаковку чая, извлёк из тайника купленные сегодня сладости и печенье, спрятанное на чёрный день... Он так увлёкся, что и забыл о том, что оставил Алису одну в прихожей. Стас отправился туда, но девушки не нашёл. Она сняла пальто, шап-

ку и шарф (они лежали на тумбочке) и, видимо, прошла в комнату Стасика.

В его комнату!

То, что там бардак – это ещё ладно, но там же та картина. Если она увидит...

Только Стасик успел об этом подумать, как из его комнаты донеслось тихое «Вау». Стас беспомощно посмотрел на своё отражение в зеркале, что висело прихожей. Он покраснел, как рак, как несчастное членистоногое, которое издевательски долго варят в кипятке, готовясь съесть его!

Парень вошёл в комнату, ожидая чего угодно. Алиса стояла у мольберта с картиной и, не отрываясь, смотрела. Только когда Стасик подошёл ближе, она заметила его.

– Извини, – сказала девушка, обернувшись, – мне стало интересно, что тут.... Это прекрасно!

– Правда? – Стас почувствовал, как у него в животе становится тепло, а на спине – холодно.

– Да! – Алиса закивала головой. – Вы – большой талант...

В другой ситуации Стасик тут же решил бы, что это сарказм, но сейчас это было сказано с таким искренним восхищением, что нельзя было заподозрить девушку в насмешке.

– Дай-ка гляну... – Стас обошёл Алису и заглянул в картину.

Всё как надо: трава шуршит, ива колышется, ветер дует, лилии плывут, птицы, как и положено, выются...

Девушка исчезла! Не было никакой лесной леди с умны-

ми глазами и в персиковом платье. На том месте, где должна была стоять она, была лишь трава, а вдали виднелся синий лес и блестящее серебро реки. Получался очень даже душевный пейзаж. Но девушки не было.

Стасик не знал, какими суевериями объяснить метаморфозы с этой картиной. Сейчас он даже обрадовался, хотя надо было бы грустить: часть, лучшая часть работы, потеряна без следа!

Неловкое молчание вдруг нарушилось надрывным свистом чайника.

– Момент... – пробормотал Стасик, убегая на кухню. За ним прошла Алиса, провожая парня восторженным взглядом.

– Так ты художник?

– Ну, я только учусь... – Стасик чуть было не промахнулся мимо чашки, наливая кипяток.

– Нет, я о том, что... – Алиса запнулась, не зная, как точнее сказать. – Ну, в душе художник.

– А, это да, – парень улыбнулся, ставя чайник обратно на плиту. – Научился ползать в детстве – первым делом пополз к папиному столу, нашёл ручку и расписал закорючками столешницу...

– Надо же, – девушка засмеялась.

– А ещё я вязать умею, – таинственно проговорил Стас, садясь на стул, – только это секрет.

– Интересно... – Алиса прищурила глаза и посмотрела на

него так, что он опустил от этого взгляда голову и смутился.

– Я тебя, кажется, видела уже где-то... – неуверенно про-
изнесла она.

«О, неужели?» – Стасик усмехнулся про себя.

– Нет, точно видела где-то... Не могу вспомнить.

«Зато я помню», – подумал Стас. Он ещё не решил, ве-
рить ли ему в то, что девушка сошла с его картины. Зато он
чувствовал, что знает её всю свою жизнь. Она пришла не с
картины, и не из книжного магазина на углу соседней ули-
цы. Она пришла откуда-то издалека, так далеко, что никто и
не знает, а он, Стас, шёл с ней. Почему они потерялись друг
друга из виду по пути? Этого не понять, но вот они встрети-
лись, нашлись – и что ж? Пьют чай...

– Эм... Почему ты молчишь? – видно, Алисе надоело си-
деть в тишине, пока Стасик справлялся с чувствами и смотре-
л в окно.

– У тебя есть родинка на левой ладони, – внезапно сказал
он.

– Зачем тебе это спрашивать? – девушка удивилась.

– Это был не вопрос, – Стасик помотал головой. – Она
есть.

Алиса удручённо нахмурилась, подняла левую руку:

– Да, есть...

– Вот! – Стасик выдохнул

– И что с этого? – недоумевала Алиса.

Он посмотрел на неё и покачал головой. Она не понимает

– это ясно. Она ещё не знает, кто они такие.

– Ну, родинка – это знак, – сказал он.

– И что он значит?

– Я потом объясню, – отмахнулся Стас. – Передай мне лучше печенье...

В маленькой кухне сделалось как-то особо светло и тепло, когда на улице начало темнеть. Закат сгорел дотла, и теперь тихо осypался на небо фиолетовый и синий пепел. Всё погружалось в тени, сумерки поползли по улицам, размывая и причудливо искажая картину за окном, им противились зажигающиеся фонари и вывески.

Шла шестая чашка чая. Смущение прорвало, и разговор хлынул живым, звенящим потоком. Стасик чувствовал, что говорит, говорит – и не может наговориться, будто пьёт воду после жаркого дня. Почти вся жизнь была охвачена их разговором: говорили о грозе, о море, рассуждали о книгах и стихах, не забыли помянуть музыку и кино, и куда же без художников, и австралийские кенгуру попали в обсуждение, и мотоциклы, и пицца, и учёба, и кошки, и даже путешествия в космос...

И это было так здорово!

– А девушка у тебя есть? – вдруг спросила Алиса, когда Стас уже хотел начать о возможности существования разумной жизни на других планетах.

Он немножко опешил и посмотрел на неё. Она посмотрела на него. Так прошло минуты три.

– Ха. Ха. Ха. Какая шутка, – Стас трижды похлопал в ладоши.

– А что? – Алиса пожала плечами.

– Ты прикалываешься?

– Нет.

– Нет, ты прикалываешься, – Стасик резко схватил чашку с недопитым чаем и моментально осушил её – в горле пересохло.

– Так есть? – Алиса не отставала.

Повисла глупая тишина.

– Догадайся с трёх раз, – ответил Стас.

– Почему?

– Посмотри на меня и догадайся, – повторил он, – с одного раза.

– А по-моему, ты норм, – заявила девушка и тоже принялась интенсивно пить чай.

Воздух?! Куда делся весь воздух?!

– Ну... – Стасик смущённо изучал дно своей чашки взглядом, – А у тебя?

– Не переживай, у меня тоже нет девушки, – успокоила Алиса.

– Эм...

– У меня есть кот!

– Ты прикалываешься? – ещё раз поинтересовался Стас.

– Да. Но меня всё равно есть только кот.

– Кот – это хорошо...

– Ещё бы.

Стасик посидел, посмотрел в чашку, вспомнил что-то и вышел на секунду. Вернулся он, держа в руке найденный в автобусе телефон:

– Твоё?

– Ой, моё! – Алиса увидела аппарат и только сейчас вспомнила цель своего визита.

Стасик передал ей телефон. Девушка стала проверять, всё ли в порядке, глянула на экран и увидела время.

– Десять часов?! – воскликнула она. – Ну и ну!

– Иди, если тебе пора, – Стасик взял со стола пустые чашки и убрал их в раковину.

– Давно пора! Извини, я побегу... – Алиса метнулась в прихожую и стала поспешно одеваться.

– Спасибо за чай, – сказала она, уже стоя в дверях.

– Да ладно...

– А всё же я тебя где-то видела...

Стасик снова не вынес взгляда прищуренных умных глаз и опустил голову.

– И спасибо, что нашёл телефон, – продолжала Алиса.

– Да ладно уж...

– Это правда ценная вещь! – воскликнула она и достала из кармана маленький расшитый бисером кошелёк. – Вот, это благодарность...

Стасик посмотрел на протянутые деньги.

– Я не буду брать у тебя деньги, – категорично заявил он.

Алиса удивлённо посмотрела на него и спрятала купюры обратно в кошелёк.

– Я бы хотел получить что-то другое, раз уж на то пошло, – Стас и сам подивился своей неожиданной наглости и улыбнулся.

– А что тогда?.. – глаза у Алисы как-то тревожно округлились, отчего стали казаться ещё больше и ярче.

– У меня ничего больше при себе нет, – пробормотала она в растерянности.

– Да я не об этом.

– А что?

– Твой номер.